

УДК 811.01'37'42

СУГГЕСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

В.В. Дементьев (Саратов, Россия)

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 13-04-00114).

В.В. Дементьев. Суггестивные аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров. В статье анализируются суггестивные аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров. Существенными для понимания данных аспектов являются противопоставление планируемой и непланируемой непрямой коммуникации, сознательно и бессознательно избираемых речевых актов и речевых жанров. Обсуждаются также некоторые национальные особенности суггестии косвенных речевых средств в различных культурах, в частности, оппозиции личности – имперсональности в русской культуре.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, непрямая коммуникация, личность, речевой жанр, суггестия.

В.В. Дементьев. Суггестивні аспекти непрямих мовних актів і мовних жанрів. У статті аналізуються суггестивні аспекти непрямих мовних актів і мовних жанрів. Істотними для розуміння цих аспектів є протиставлення планованої і непланованої непрямой комунікації, мовленнєвих актів і мовленнєвих жанрів, що свідомо або несвідомо обираються мовцем. Обговорюються також деякі національні особливості суггестії непрямих мовленнєвих засобів у різних культурах, зокрема опозиція личности – імперсональності в російській культурі.

Ключові слова: непрямий мовленнєвий акт, непряма комунікація, личность, мовленнєвий жанр, суггестія.

Dementev V.V. Suggestive aspects of indirect speech acts and genres. The article analyzes the suggestive aspects of indirect speech acts and speech genres. Essential for their understanding is the opposition of planned and unplanned indirect communication, speech acts and speech genres consciously or unconsciously chosen by the speaker. Some national characteristics of suggestion of indirect speech means in different cultures have been discussed, in particular, the opposition personality ~ impersonality in Russian culture.

Key words: indirect speech act, nondirect communication, personality, speech genre, suggestion.

0. Введение

Соотношение косвенного речевого акта и косвенного речевого жанра обсуждается в монографии «Теория речевых жанров» [Дементьев 2010: 206–209]. В настоящей статье анализируются некоторые аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров, которые не были затронуты в монографии, а именно: аспекты суггестии.

За время, прошедшее после выхода монографии, теория суггестии обогатилась серьезными достижениями в области как планируемой непрямой

коммуникации (косвенности), так и непланируемой непрямой коммуникации. Особенно значимыми, на мой взгляд, были две работы: монография **К.Ф. Седова «Дискурс как суггестия»** [2011] (в ней ученый дает определение суггестивной модели межличностного общения, в центре которой стоят малоконтролируемые или совсем неподконтрольные разумом феномены психики, которые на эмоционально-мотивационном уровне проявляют себя в социальном взаимодействии людей, и подробно рассматривает три главных, с его точки зрения, феномена суггестивного дискурса: агрессию, манипуляцию и зависть) и **серия исследований Деборы Таннен**, которые продолжили ее многолетние разработки в области косвенности в американской разговорной, т.е. устной спонтанной речи, «непринужденных разговорах», а отсюда – в связи с межличностными отношениями: в семейных беседах [Tannen 2001, 2009]; в общении противоположных полов [Tannen 2007]; в деловой речи [Tannen 2000]; в кросс-культурной прагматике [Tannen 1980, 1986]⁴.

В семиотическом плане оба исследователя ставят в центр проблему интерпретации, наиболее принципиальную в прагматической теории, а именно: с одной стороны, осложненную или особо активную интерпретацию, которая вообще сопряжена с любой ситуацией НК, по сравнению со случаями «простого» прямого – конвенционального и однозначного использования знаков; с другой стороны – противопоставление интерпретации адресанта и адресата и преимущественная важность для «итоговой интерпретации» вклада каждого из них.

1. Косвенные речевые акты

Как отмечает А. Вежбицкая, понятие «косвенности» относится к наименее ясным в современной лингвистике. Исследовательница видит причину неудовлетворительности таких терминов, как «прямота» или «непрямота» (а также «солидарность», «непосредственность», «искренность», «общественная гармония», «сердечность», «самоутверждение», «интимность», «самовыражение» и т. д., через которые обычно объясняются различия в способах говорения в исследованиях по контрастивной прагматике), в том, что эти термины применяются к разным явлениям, которые формируются разными культурными нормами и ценностями [Вежбицкая 2003].

Обращаясь к принципиальному для нас вопросу о суггестивности непрямой коммуникации, в частности русской непрямой коммуникации, следует отметить, что непланируемая непрямая коммуникация вообще не подлежит суггестивному измерению (кроме тех случаев, когда суггестивность проистекает от адресата – такие случаи будут рассмотрены во втором разделе статьи).

⁴ И, конечно, необходимо вспомнить широко известные книги Таннен, например «Это не то, что я имел в виду!: как разговорный стиль создает или разрушает отношения» [Tannen 1986], «Ты просто не понял: Женщины и мужчины в разговоре» [Tannen 2007], «Я просто говорю это, потому что я люблю тебя: Разговоры с родителями, партнерами, супругами и детьми» [Tannen 2001].

Что касается сознательно используемых для определенных целей приемов планируемой не прямой коммуникации, здесь, безусловно, можно говорить о суггестии, присущей отдельным случаям использования косвенных средств, а также общей цели использования данного явления; может быть осуществлено и кросс-культурное сравнение. В этом смысле можно упомянуть широко изученный в лингвокультурологии ряд культурных сценариев / ценностей, требующих использования средств планируемой не прямой коммуникации, например, английские требования *moderate expressing opinions, shared dislike for going to extremes* [Blum-Kulka 1982; Clark 1906; Fox 2005] или японское требование уклончивости [Mizutani&Mizutani 1987; Honna&Hoffer 1989].

Исследование русских прямых и косвенных форм в этом аспекте почти не осуществлялось (отмечалось лишь, что русский «коммуникативный стиль» более «прямой» по сравнению с английским [Ларина 2009]). Пожалуй, можно говорить лишь о требовании (но не вполне строгом), состоящем в нежелательности чрезмерной риторической выстроенности, а значит, в каком-то смысле «прямоты» в типах общения, на которые распространяется действие главных ценностных доминант русской коммуникативной культуры в целом, – например, нежелательности ортологической сверхправильности при выражении наиболее сущностно значимых, «выстраданных» мнений в *разговоре по душам*. Большинство же высказываемых мнений (прежде всего оценочных, особенно – нравственно-оценочных) выражаются точно и прямо (ср. данные русской паремиологии, выявленные Л.В. Балашовой: *резать правду-матку* и подоб. [2003]).

Безусловно, особенно важным и показательным с точки зрения использования не прямой коммуникации для любой культуры является такой участок «фатики», как **речевой этикет**. В целом использование (планируемой) не прямой коммуникации, продиктованное требованием вежливости, является наиболее очевидным и распространенным.

Как мы показали в [Дементьев 2006], не все разновидности не прямой коммуникации есть очевидная з а м е н а («прямой» единицы на «непрямую»). Замены всегда осуществляются целенаправленно, в самом факте замены есть некий смысл, который достаточно прозрачен. Именно к такому типу относится планируемая не прямая коммуникация / косвенность, которая используется, например, в большинстве косвенных речевых жанров (таких как косвенные фатические речевые жанры типа *флирта* или *розыгрыша*). Этот тип не прямой коммуникации всегда создает эффект опосредованности между адресантом и адресатом речи, а также некоторого неявного и отстраненно-безличного управления интерпретацией адресата (в случае планируемой не прямой коммуникации интерпретация задается адресантом, хотя и неявно, «скрыто», а в случае конвенциональных косвенных средств, к которым относится большинство этикетных средств, – задается однозначно).

В этом смысле идеи, обуславливающие выбор косвенных средств, закономерно сближаются в сознании говорящих с очень важным для русского

ценностного национально-языкового сознания содержанием правого члена оппозиции **персональности ~ имперсональности**.

Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом **персонального, личностного и межличностного** – и начала **социального, неличностного** (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка – и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской **лексики**. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда ~ истина; воля ~ свобода; совесть ~ нравственность, этика; интеллигент ~ интеллект; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ законный, легитимный, правовой; мастер ~ профессионал; очень плохо ~ крайне неудовлетворительно; убийца ~ киллер; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; вожак ~ лидер; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...* – при всем разнообразии и разнородности, есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю;

что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца. Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций / пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [P] ~ [-P], есть такие важные для русской культуры, как *правда ~ истина, душа ~ разум, воля ~ свобода*. В то же время не все эти концепты встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими концептами / лексемами – например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-P]: выражение *партнерские отношения* – двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство, корпоративность* – малоупотребительные.

В оппозицию [P] ~ [-P] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности, речевые жанры. Важной для русского языка и речи является речежанровая оппозиция *разговора по душам и светской беседы*. Члены данной оппозиции – антонимичные в русской речевой культуре жанры, – представляя разные нормы выражено гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речежанровых картин мира» [Дементьев 2010].

Как уже было сказано, в русской культуре подлжит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер, чинуша, службист, крючоктвор и крючок, казенный и казёница, муштра, аппаратчик, функционер, карьерист* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие – нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный (задушевный), друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] в фразеологизме *Не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душевный ~ бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [P] ~ [-P].

Выделяемая нами русская культурная оппозиция [P] ~ [-P] имеет общее с выделяемой А.Б. Пеньковским категорией *чуждости*, проистекающей из семиотического принципа оппозитивного членения мира на «свой» и «чужой» [Пеньковский 1989]. Однако, в отличие от названной работы, мы говорим о русской безэквивалентной, неуниверсальной для большинства культур оценочности (Подробнее об этом см. [Дементьев 2013])

Вернемся, однако, к косвенным речевым актам.

Если, как уже было сказано, идеи, обуславливающие выбор косвенных средств, сближаются с содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P], именно отсюда проистекает некоторое недоверие к непрямой коммуникации, к косвенным речевым средствам в целом в русском языковом сознании, причем не только к манипуляции, но и к косвенным речевым актам.

Рассмотрим пример на английском языке, который можно отнести к хрестоматийным в «теории косвенных речевых актов», точнее – ее западной разновидности, опирающейся на идеи Дж. Серля, – *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’.

Как известно, *Can you open the window?* определяется в данной теории как конвенциональный косвенный речевой акт, причиной использования которого считается требование вежливости, точнее – представление о вежливости, принятое в англоязычной коммуникации.

Дж. Серль и Дж. Грин попытались теоретически обосновать причины распространенности и эффективности таких формул в функции косвенных директивов и решили, что, будучи по форме вопросами, они предоставляют адресату большую свободу: хотя бы гипотетическую возможность реагировать на них как на вопросы, то есть не-директивы, «более приемлемую возможность выйти из игры» [Серль 1986: 213; Green 1975: 128-130].

Вряд ли можно считать такое объяснение удовлетворительным. Так, Дж. Серлю и Дж. Грин убедительно возразил Р. Конрад, указавший на то, что для вопросов типа *Can you open the window?* «простой ответ “нет” является точно в той же степени невежливым, что и для соответствующих прямых просьб» [Конрад 1985: 370].

Думается, что ближе к истине точка зрения А. Вежбицкой, которая отказывается искать общие для всех культур причины использования «косвенных формул», объяснять их распространенность какими-то объективными и универсальными свойствами данных формул – «рациональностью», «эффективностью». Все решается в конечном счете системой сценариев данной культуры, подчеркивает Вежбицкая, которые полностью обуславливают представление о вежливости, принимаемое в данной культуре.

Относясь к планируемой непрямой коммуникации, косвенные побуждения эксплуатируют для повышения эффективности воздействия одно из свойств НК, а именно: отсутствие четкого разграничения смыслов. Косвенный речевой акт типа *Can you open the window?* можно понять и как вопрос, и как просьбу. Именно эта возможность одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов составляет большую, чем у прямых просьб, вежливость косвенных побудительных речевых актов. Кстати, нетрудно заметить, что в самом по себе неразличении смыслов нет ничего вежливого. Подобные средства лишь считаются вежливыми в результате принятого общественного соглашения. Существуют культуры, в которых вежливым является не обращение к неопределенным средствам и побуждение адресата

совершить дополнительные интерпретативные усилия, которые необходимы для того, чтобы понять, что имеется в виду, а, наоборот, точное выражение своей мысли и избавление адресата от необходимости делать ненужные умственные усилия (см. примеры из израильской культуры, которые приводит А. Вежбицкая [2003]).

Рассуждения о неуниверсальности причин обращения к косвенным средствам лучше всего доказывает, на наш взгляд, тот факт, что в русском языке у *Can you open the window?* нет точного эквивалента: ближайшее функциональное соответствие *Не могли бы вы открыть окно?* принципиально отличается по форме: это *отрицание* (см.: [Булыгина, Шмелев 1997: 286]).

Думается, это не случайно.

Рассмотрим теперь русскую форму *Не могли бы вы открыть окно?*

Как и английское соответствие, это конвенциональный косвенный речевой акт – директив, использующийся в косвенной форме вопросительного предложения. Как и в английском, обращение к косвенной форме продиктовано требованием вежливости.

В то же время есть по крайней мере два серьезных отличия.

Повторяем, в обоих языках это конвенциональный косвенный речевой акт, но в английской речи, собственно, нет выбора: прямая форма в таких вежливых просьбах фактически исключена, так как воспринимается грубо. А раз нет выбора, это, так сказать, не совсем косвенный речевой акт. Но зато с точки зрения формы «все в порядке»: точно такую же форму *Can you open the window?* имеет недирективный речевой акт – вопрос, и у слушающего хотя бы гипотетически остается возможность прореагировать на эту реплику как на вопрос.

Но выбора как такового нет и в русском языке (несмотря на то, что прямые просьбы в русском языке, в отличие от английского, не находятся под запретом): дело в том, что форму *Не могли бы вы открыть окно?* имеют только просьбы, и никогда – реальные вопросы: вопрос может иметь только неотрицательную форму типа *Вы можете открыть окно?* или *Можете ли вы открыть окно?* В этом смысле в русском языке не выполняется даже формальное требование, предъявляемое к косвенным речевым актам в классической теории Серля – Грин: на «вопрос» *Не могли бы вы открыть окно?* нельзя даже гипотетически прореагировать как на не-директив (как и на вопрос *Можете ли вы открыть окно?* нельзя прореагировать как на просьбу), ситуации такого «непонимания» выглядят настолько курьезно, что обыгрываются в юмористических текстах – ср. рассказ М. Зубкова «Трешка», который начинается так:

Вот подходит недавно один:

- *Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?*
- *Мог бы, – говорю. И иду своей дорогой. <...>*

Выскажем предположение, что отрицательная форма избрана в русской коммуникации именно для того, чтобы вежливый директив типа *Не могли бы вы открыть окно?* нельзя было спутать с не-директивами типа *Можете ли вы открыть окно?*, то есть чтобы это были *не* косвенные речевые акты, восприятие которых в русской коммуникации сопряжено с некоторым недоверием.

О.Б. Сиротининой выявлены почти невероятные для западной коммуникативной картины случаи, когда обращение к косвенным средствам для выражения просьбы (с точки зрения адресанта – обычно пожилого человека – они выражаются таким образом в более вежливой форме: *Надо бы за хлебом сходить; Форточку бы открыть*) обижало адресата речи – молодого человека, воспринималось как «изошренный диктат» [Сиротинина 1999: 27]⁵.

С манипуляцией, в отличие от косвенных речевых актов, «все ясно»: ее этическая недобросовестность не раз разоблачалась в мировой филологии и философии начиная с античности (см. обзоры литературы в: [Налимов 2003: 14-46; Friedrich 1986; Борухов 1989: 18-26]); и все же выскажем осторожное предположение, что в русской коммуникации манипуляции еще труднее одержать победу, чем в других культурах.

Как говорится по этому поводу в известном пособии по риторике [Клюев 1999], в современной России не получили большого распространения формы косвенного воздействия, поскольку имплицитные, выводные смыслы, присущие не прямой коммуникации, обычно ассоциируются с некой опасностью, в них подозревают «камень за пазухой» (хотя за пазухой, так сказать, далеко не всегда камень – иногда там может оказаться цветок!). Как остроумно заметил автор пособия Е.В. Клюев, «ситуаций, в которых прямые формулировки предпочтительны, всего десять – и все десять формулировок уже очень давно предложены Христом в виде заповедей» [Там же: 24].

Несмотря на это, Е.В. Клюев утверждает, что косвенное воздействие более эффективно и воздейственно, чем прямое (хотя не доказывает этого на речевом материале). По мнению исследователя, прямое воздействие задает «вертикальные» отношения типа «начальник → подчиненный» и не предполагает никакой иной реакции адресата, кроме исполнения или отказа («как в армии»): «<...> прямая тактика речевого воздействия, в сущности, тем действеннее, чем более пассивная роль остается на долю слушателя» [Там же: 155]. Напротив, косвенное воздействие требует от адресата «со-беседования», сотворчества: «<...> результативность и в конечном счете эффективность речевой тактики – прямая производная от степени творческой активности слушателя. Творческая же активность его несовместима

⁵ У Деборы Таннен комментируется пример, который показывает, что и американцев могут раздражать косвенные РА, когда в них прочитывается возможное «скрытое неодобрение» [Tanpen 2010: 311]. Молодая женщина, придя домой из колледжа, готовит салат, а ее мать спрашивает: «Ты собиралась резать эти помидоры на четыре части?» Дочь отвечает: «Что-то не так с ними?» – «Нет, нет, – отвечает ей мать, – просто лично я нарезала бы их кольцами». Дочь продолжает резать помидоры, но потом она рассказала, что подумала про себя: «Я не могу ничего сделать без того, чтобы мама сказала, что она сделала бы это по-другому?»

со слепым подчинением пусть даже самой благородной и надежной концепции говорящего» [Там же: 156]. Такой со-беседник способен «на ходу» перерабатывать информацию, хотя может сделать это за счет отрицания «самых дорогих нам установок» [Там же]. Таким образом, Е.В. Ключев понимает косвенное воздействие именно как НК (в соответствии с риторической направленностью исследования – как НК-2), и это совпадает с нашим пониманием непрямого воздействия.

Следует отметить, однако, что косвенное воздействие как НК-2 составляют не только косвенные иллюкутивные директивные акты (Е.В. Ключев говорит только о них), но и манипулирование, которое отнюдь не предполагает «со-беседования». При прямом воздействии не только задаются «вертикальные» отношения типа «начальник → подчиненный», но и прямо («честно») сообщается об этом. Косвенное же воздействие задает неопределенные отношения (кстати, это вполне могут быть и отношения «начальник → подчиненный»). Манипулятор хочет занять позицию начальника хитростью.

Есть еще одна сфера русской фатической коммуникации, по-своему имеющая несколько не меньшее ценностное содержание, чем этикет, где существует ярко выраженная национальная специфика использования косвенных средств, – это **диссонансная** фатика, порождаемая **конфликтным**, агрессивным коммуникативным поведением.

Особенность русского агрессивного коммуникативного поведения, неоднократно отмечаемая представителями других (прежде всего западных) культур, состоит в отсутствии запрета на «грубые слова». Следует отметить, что в формально-коммуникативном, семиотическом смысле это во многом универсальное качество, если за «грубыми словами» не стоит настоящая агрессия, т.е. если это косвенные фатические речевые жанры ОД, выражающие симпатию при внешней грубости, фамильярности. Однако в русской культуре, в отличие от многих других, как будто бы отсутствует и запрет на некоторые прямые ситуации агрессивного коммуникативного поведения – если обращение к «грубым словам» продиктовано *дружескими* чувствами – ср. паремии типа *милые бранятся – только тешатся*. Это дружеское чувство обязательно: без него такое же по форме агрессивное поведение однозначно осуждается – ср. в русской литературе образы Ноздрева у Гоголя, Дикого у Островского, Тарантьева у Гончарова.

Оппозиция [Р] ~ [-Р] в области агрессивного коммуникативного поведения проявляется в закрепленном исторически и широко отраженном в русских лексике и идиоматике (ср. данные Л.В. Балашовой [Балашова 2003, 2007]), пословицах, а также русской литературе **предпочтении** «человеческого» выплескивания агрессии (вплоть до рукоприкладства) обращению для этой цели к закону, органам власти. Ср.:

– *Вы же не слышали, как он тут обзывался...*

– *Это ваше мужское дело! <...> Вышли в тамбур и выяснили отношения. Нет, вы приводите милиционера, отвлекаете его тем самым от прямых обязанностей, да еще и внушаете работникам сельского хозяйства недоверие к форме уважаемых сотрудников общественного порядка...* (В. Шукшин. Печки-лавочки)

Валиков подал в суд. Но так как дело это всегда кляузное, никем в деревне не одобряется, то Ефим тоже всем показывал палец и пояснял:

– *Оно бы – по-доброму, по-соседски-то – к чему мне? Но она же шибко грамотная!.. Она же слова никому не дает сказать: самозагорание, и все!* (В. Шукшин. Суд)

Интересно, что такое моральное предпочтение свойственно не только необразованным представителям деревенской или просторечной культур, о которых пишет В. Шукшин, но и носителям литературного языка и элитарной речевой культуры, каковым, несомненно, можно считать великого советского педагога А.С. Макаренко:

– *Вы проанализируйте хорошенько: ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и Бурун и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы вернуть Задорова, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок. А колония им, очевидно, все-таки нужна. Тут сложнее. Кроме того, они видят, что мы много работаем для них, все-таки они люди. Это важное обстоятельство.* (Педагогическая поэма).

Несмотря на то, что в предыдущем примере адресатом Макаренко была женщина, складывается впечатление, что явление, о котором идет речь, присуще только мужскому поведению. Мужчинами иногда отмечается, что женщины склонны решать конфликтные ситуации судом:

– *Воли им дали много! – с сердцем сказал Костя Бибилов, невзрачный мужичок, но очень дерзкий на слово. – Дед Иван говорит: сейчас хорошо живет баба да корове, а коню и мужику плохо. И верно. Воли много, они и распустились. У Игнахи вон Журавлева – тоже: напилась дура, опозорила мужика – вел ее через всю деревню. А потом она его же: «А зачем пить много разрешил!» Вот как!..* (В. Шукшин. Беспалый)

Данный факт, кстати, скорее подтверждает, что манипулятивное агрессивное поведение в русской культуре встречает более серьезное

сопротивление, чем в других культурах, – большее, чем открытая агрессия, а потому манипуляции могут одержать лишь временную победу... пиррову победу.

Таким образом, представляется неоправданным говорить об однозначном запрете на непрямую коммуникацию в русской культуре, особенно в таких подчеркнута семиотических сферах, как этикет, а также наиболее противопоставленные ему инвективные высказывания, или однозначно называть русскую культуру «прямой», как это делают некоторые исследователи.

В то же время несомненно, что есть области и сферы применения (планируемой) непрямой коммуникации в русской культуре, в которых отношение к данному явлению достаточно существенно отличается от других культур (например англо-американской), существуют некоторые ограничения на использование непрямой коммуникации в определенных ситуациях.

2. Косвенные речевые жанры

Традиционное лингвистическое изучение речи (начиная с Аристотеля) состоит в выделении и систематизации **средств** (чего-то: в широком смысле) в речи ратора, оратора, политика, судьи и т.д. Речь представляла как то, что создается, строится, планируется и т.д. **сознательно**. Когнитивный же взгляд на речь (часто – ту же самую), прежде всего, выявляет те моменты (коннотации, стилистическую окраску, метафоры, смыслы, порождаемые языковыми когнитивными категориями, структурами, ценностными и оценочными шкалами и т.д.), которые привносятся в текст его автором **бессознательно**.

Это противопоставление очень существенно с точки зрения НК. (О том, что *сознательное* и *бессознательное* в языке/речи относятся друг к другу по принципу «прямо/непрямо», говорили еще [Шерозия 1979; Якобсон 1978]; хотя то, что тогда имелось в виду, не всегда совпадает с нашим сегодняшним пониманием НК и ее аспектов.)

Соответственно является актуальным, но еще не решенным вопрос: где больше *непрямоты* – когда я – *адресат* – вычитываю в тексте смыслы, «просто» не планируемые для обнародования *адресантом*, или – *скрываемые* им?

Вопрос этот действительно очень сложный.

Более того, далеко не очевидна роль и место НК в суггестии, представляющей собой *ложь*: с одной стороны, конечно, во лжи НК есть всегда. С другой – НК, определяемую как такую адресатом (осуществляющим, в данном случае, интерпретативную деятельность повышенной сложности), адресант – лгущий – может контролировать и предвидеть лишь отчасти.

Хотя, с точки зрения адресанта, ложь – это всегда, принципиально непрямо (он же знает, что заменяет ею *прямую правду!*), с его же точки зрения возможны два разных типа НК, определяемые разными типами интерпретативной деятельности адресата, конечно, принципиальной для НК:

1) адресант *лжет*, т.е. имеет место *непрямая* передача... чего-то, притом что что-то (настоящее) скрывается; реакция адресата есть программируемая адресантом, т.е. это реакция на то, что говорится буквально, а не на скрываемую *правду*; 2) когда *ложь* разгадывается адресатом, и его реакция есть непрограммируемая на скрываемое.

В конечном счете, принимая во внимание разные возможные комбинации этих важных факторов, в лжи можно выделить, по крайней мере, четыре типа НК, источники которой во всех случаях совершенно разные (хотя объединяет их все то, что именно деятельность адресата – главная):

1) непланируемая непрямая коммуникация (НК-1), когда адресант проявляется бессознательно, при этом бессознательно проявляется и адресат;

2) непланируемая непрямая коммуникация, когда адресат проявляется сознательно;

3) планируемая непрямая коммуникация (НК-2), когда адресант проявляется сознательно, а адресат – бессознательно;

4) планируемая непрямая коммуникация, когда сознательно проявляются и адресант, и адресат:

4а) адресат проявляется сознательно, при этом программируемо (адресантом);

4б) адресат проявляется сознательно и непрограммируемо (конечно, с точки зрения адресанта-лгущего это нежелательнейший вариант).

В этой модели, в отличие от предшествующей, где противопоставлялись планируемая и непланируемая НК и в центре был адресант, в центр ставится программируемая и непрограммируемая НК и адресат. В этом отношении дискурсивное изучение НК (и дискурсивные аспекты НК) часто относятся к когнитивным как сознательная (планируемая) НК – к бессознательной, реконструируемой. И, полагаю, подтвердилось: в современной лингвистике побеждают коммуникативные модели, принципиально помещающие в центр адресата речи и его интерпретацию (см., например: [Bucholtz 2001; Lemke 2003]).

Вопрос о сознательности/бессознательности неразрывно связан с вопросом **искренности/неискренности** (бессознательно избираемые средства, как правило, свидетельствуют о большей искренности, чем сознательно, хотя интерпретировать их всегда сложнее), а тем самым – непрямой коммуникации.

Следует подчеркнуть, что данный аспект несомненно затрагивает речевые жанры.

Как известно, до сих пор такие исследования были на уровне, например, фоносемантики [Журавлев 1991]: тексты, как будто бы содержащие определенный эмоциональный и оценочный заряд, «проверялись на фоносемантику» (бессознательную), и так выявлялась возможная неискренность автора. Подобные вещи исследовались на уровне лексики с метафорами [Балашова 2013]: бессознательно выбранные автором текста метафорические модели могут отражать совсем иное настроение, экспрессию

и оценку, чем сознательно выбранные риторические, стилистические, экспрессивные средства текстопостроения.

Всё это совсем не редко практикуется, конечно, и с жанрами.

Вообще говоря, в этом отношении могут быть два аспекта:

1) я использую один РЖ, предполагающий определенную экспрессию (например, *поздравление, похвала, соболезнование*), а его конкретное вербальное, грамматическое, фоносемантическое и т.д. наполнение противоречит этой экспрессии (в таких случаях говорят: «*комплимент прозвучал формально*», «*неискренняя похвала*», «*кислое поздравление*» и т.д.). Таким образом, этот случай демонстрирует конфликт между сознательно избираемым жанром и бессознательно используемыми единицами других уровней;

2) я избираю (сознательно) общую тональность общения, претендующую на определенную экспрессию, а используемые при этом конкретные жанры ей противоречат (например, я как будто бы вежлив, кооперативен, толерантен и т.д., а жанры – *приказ, угроза, обвинение, оскорбление, демонстрация силы...*). Здесь, таким образом, бессознательно избираются жанры.

Примером может послужить классическая сценка из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», где Передонов ведет с дамой «приятный разговор»:

Передонов чувствовал себя очень приятно. Он решил поговорить с Мартою любезно, пошутить, позабавить ее. Он начал так:

– Ну, что, скоро бунтовать будете?

– Зачем бунтовать? – спросила Марта.

– Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.

– Я и не думаю об этом, – сказала Марта, – да и никто у нас не хочет бунтовать.

– Ну да, это вы только так говорите, а вы русских ненавидите.

– И не думаем, – сказал Владя, повертываясь к Передонову с передней скамейки, где сидел рядом с Игнатием.

– Знаем мы, как вы не думаете. Только мы вам не отдадим вашей Польши. Мы вас завоевали. Мы вам сколько благодеяний сделали, да, видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит.

Марта не возражала. Передонов помолчал немного и вдруг сказал:

– Поляки – безмозглые.

Марта покраснела.

– Всякие бывают и русские и поляки, – сказала она.

– Нет, уж это так, это верно, – настаивал Передонов. – Поляки – глупые.

Только форсу задают. Вот жидаы – те умные.

– Жидаы – плуты, а вовсе не умные, – сказал Владя.

– Нет, жидаы – очень умный народ. Жид русского всегда надует, а русский жида никогда не надует.

– Да и не надо надувать, – сказал Владя, – разве в том только и ум, чтобы надувать да плутовать?

Передонов сердито глянул на Владю.

– А ум в том, чтобы учиться, – сказал он, – а вы не учитесь.

Владя вздохнул и опять отвернулся и стал смотреть на ровный бег лошади. А Передонов говорил:

– Жиды во всем умные, и в ученые, и во всем. Если бы жидов пускали в профессора, то все профессора из жидов были бы. А польки все – неяхи.

Он посмотрел на Марту и, с удовольствием заметив, что она сильно покраснела, сказал из любезности:

– Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

– Все польки – хорошие хозяйки, – ответила Марта.

– Ну, да, – возразил Передонов, – хозяйки, сверху чисто, а юбки грязные. Ну, да за что у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стене висит. Прежде там Пушкин висел, да я его в сортир вынес, – он камерлакеем был.

– Ведь вы – русский, – сказал Владя, – что ж вам наш Мицкевич? Пушкин хороший, и Мицкевич – хороший.

– Мицкевич – выше, – повторил Передонов. – Русские – дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего.

Передонов посмотрел на Марту, сощурил глаза и сказал:

– У вас много веснушек. Это некрасиво.

– Что же делать, – улыбаясь, промолвила Марта.

– И у меня веснушки, – сказал Владя, поворачиваясь на своем узеньком сиденье и задев безмолвного Игнатия.

– Вы мальчик, – сказал Передонов, – это ничего, мужчине красота не нужна, а вот у вас, – продолжал он, оборачиваясь к Марте, – нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. Надо огуречным рассолом лицо мыть.

Марта поблагодарила за совет. <...>

– Ведь вы – бедные, – вдруг сказал Передонов.

– Да, не богатые, – ответила Марта, – да все-таки уж и не так бедны. У нас у всех есть кое-что отложено.

Передонов недоверчиво посмотрел на нее и сказал:

– Ну, да, я знаю, что вы – бедные. Босые ежесденком дома ходите.

– Мы это не от бедности, – живо сказал Владя.

– А что же, от богатства, что ли? – спросил Передонов и отрывисто захохотал.

– Вовсе не от бедности, – сказал Владя, краснея, – это для здоровья очень полезно, закаляем здоровье и приятно летом.

– Ну, это вы врете, – грубо возразил Передонов. – Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей, а получает гроши. Сапог не накупишься.

*

Вопрос о соотношении косвенных речевых актов и косвенных речевых жанров произведен от более общих вопросов: с одной стороны, общих семиотических механизмов использования данных феноменов (косвенных высказываний, организованных соответствующими речеактовыми или речезанровыми моделями), где одним из наиболее принципиальных аспектов является интерпретативный, а точнее – преимущественная интерпретация высказывания со стороны адресата или адресата речи. С другой стороны – он произведен от культурного значения данных феноменов, их места в общей системе культурных норм, сценариев, систем ценностей. Поэтому представляется необходимым рассматривать данные феномены в связи с общими вопросами (общими сценариями) той или иной национальной культуры (в нашем случае русской).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л.В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка / Л.В. Балашова // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
2. Балашова Л.В. Концептуализация речевой коммуникации во внелитературных стратах (метафора) / Л.В. Балашова // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – Вып. 7.
3. Балашова Л.В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке / Л.В. Балашова // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык.
4. Балашова Л.В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. – Вып. 2(44). – Екатеринбург, 2013.
5. Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты) : дис. ... канд. филол. наук / Б.Л. Борухов. – Саратов, 1989.
6. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997.
7. Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» / А. Вежбицкая // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
8. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М., 2006.
9. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М., 2010.
10. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / В.В. Дементьев. – М. : Глобал Ком, 2013. – 338 с. (Studiophilologica).
11. Дённингхаус С. «Прямая» ли научная коммуникация? / С. Дённингхаус // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
12. Журавлев А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлев. – М., 1991.

13. Имплицитность в языке и речи. – М., 1999.
14. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е.В. Клюев. – М., 1999.
15. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16.
16. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М., 2009.
17. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков / В.В. Налимов. – Томск; М., 2003.
18. Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
19. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып.2.
20. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении / К.Ф. Седов. – М., 2011.
21. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17.
22. Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О.Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2.
23. Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное / А.Е. Шерозия. – Тбилиси : Мецниереба, 1979. – 172 с.
24. Якобсон Р. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности / Р. Якобсон // Бессознательное: природа, функции, методы, исследования. Т. III. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – С. 156–167.
25. Blum-Kulka S. Learning to say what you mean in a second language: A study of the speech act performance of learners of Hebrew as a second language / S. Blum-Kulka // Applied Linguistics, 3(1), 1982.
26. Bucholtz M. Reflexivity and Critique in Discourse Analysis / M. Bucholtz // Critique of Anthropology. – 2001. – Vol. 21 (2). – P. 165–183.
27. Clark H.H. Using language / H.H. Clark. – Cambridge, 1996.
28. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – L. : Hodder & Stoughton, 2005.
29. Friedrich P. The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy / P. Friedrich. – University of Texas Press, Austin, 1986.
30. Green G.M. How to get people to do things with words / G.M. Green // Syntax and semantics. – N. Y., 1975. – Vol. 3: Speech acts.
31. Honna N. An English dictionary of Japanese ways of thinking / N. Honna, B. Hoffer (Eds.). – Yuhikaku, 1989.
32. Lemke J.L. Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization / J.L. Lemke // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. – L., 2003.

33. Mizutani O. How to be polite in Japanese / O. Mizutani, N. Mizutani. – Tokyo: Japan Times, 1987.
34. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style / D. Tannen // *Discourse Processes* 4(1981): 3.221-238. Earlier draft appeared as Sociolinguistic Working Paper #55 (January 1979), reprinted in *Language and Speech in American Society*. – Austin, TX : Southwest Educational Development Laboratory, 1980.
35. Tannen D. Introducing Constructed Dialogue in Greek and American Conversational and Literary Narratives / / D. Tannen // *Direct and Indirect Speech*, ed. by Florian Coulmas, 311-322. – Berlin : Mouton, 1986.
36. Tannen D. *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships* / D. Tannen. – NY. : Harper Perennial, 1986. – 224 p.
37. Tannen D. Indirectness at Work / D. Tannen // *Language in Action: New Studies of Language in Society*, Festschrift for Roger Shuy, ed. by Joy Peyton, Peg Griffin, Walt Wolfram and Ralph Fasold, 189-212. – Cresskill, NJ : Hampton Press, 2000.
38. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults* / D. Tannen. – NY. : Random House, 2001. – 368 p.
39. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation* / D. Tannen. – NY. : William Morrow Paperbacks, 2007. 352 p.
40. Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness / D. Tannen // *Journal of Pragmatics*, Nr 42, 2010. – Pp. 307–316.

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета; e-mail: dementevvv@yandex.ru